

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЧИСЛОВОЙ
СИМВОЛИКИ В КАЛМЫЦКОЙ АНТРОПОНИМИКЕ

Во многих языках мира, у разных народов, нередко отделенных друг от друга территориально и исторически не связанных друг с другом отмечается традиция именования так называемыми числовыми антропонимами.

Очевидно, корни такой традиции именования, характерной для многих современных языков, следует искать в далеком доисторическом прошлом человечества, поскольку факт наречения "числовыми" именами имеет широкий характер распространения. Именно поэтому есть основания считать, что начало этой традиции заложено еще в ту древнейшую эпоху, когда возникали первые представления и понятия человека о мире.

Этот способ именования, являющийся одним из более древних и очень распространенных мотивов в наречении именем во многих языках мира является общим для индоевропейских, семитских, тюркских, монгольских и других языков.

В составе современной калмыцкой антропонимии прочно сохраняются антропонимы, образованные от числительных. Так, например, в разряде личных имен можно отметить имена, образованные от числительных 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 60, 70 /хурви, Тави, Зурван, Домаи, Нэзми, Йисн, Херте, хучи, Дирте, Дадита/: соответственно эти же числительные отмечаются в разряде отчеств и фамилий, образованных от этих же основ, но оформленных русскими патронимическими суффиксами: Гучинович /-овна/, Зурганович /-овна/, Дла-

нович /-овна/, Наминович /-овна/, Есинович /-овна/, Джирянтеевич; Гучинов, Джирянтеев, Есинов, Наминов и пр.

Разряд личных имен, образованных от числительных, обязан своим происхождением древнему мировоззрению человека. Это несомненно. Их появление связано в общечеловеческой верой в магическую силу слова.

Обращает на себя внимание тот факт, что представления, связанные с числами 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12 носят, если не всеобщий характер, то во всяком случае, свойственный большинству народов. В литературных памятниках, мифах, эпических сказаниях, сказках и легендах так или иначе упоминаются эти цифры: девятирица древнеегипетского божественного пантеона, 7 ипостасей богини любви Хатхор в древнеегипетских гимнах, 7 небес мироздания в космогонических представлениях многих народов мира, 7 лучей фантастического существа Хумбабы древнешумерских мифов, представления людей об устройстве модели мира, состоящей из 9 верхних и 9 нижних миров, 6-дневное создание мира по Библии, семь дев творенья Калевалы, 9 /12/-главие Змеи-Горынычи, 33 богатыря, 7 перевоплощений в сказках и т.д.

Почему человек так активно использовал именно эти строго определенные числовые понятия? Почему именно они вошли в его сознание как магические символы сверхъестественной силы?

Ответ на эти вопросы поможет понять и загадки имятворчества, те мотивы, руководствуясь которыми люди называли своих детей подобными именами.

Какова же жизненная первооснова этой традиции именования, возникшей в глубокой древности человеческой истории и сохранившейся до наших дней? Что заставило человечество создавать имена, в основу которых положено опреде-

ленное число?

Числовые понятия, наделенные в сознании первобытного человека сверхъестественной силой, являлись определенными символами, продиктованными жизнью. Из них наиболее конкретную основу имели семерка и девятка, символическое толкование которых может быть объяснено тысячелетними наблюдениями человека за жизнью земной и небесной. Опыт человека показывал совершенно определенную связь жизни земли с теми или иными явлениями небесного мира /циклическость, повторяемость/. Отсюда, в сознании первобытного человека "космические" и "тотемические" представления находились, по всей видимости, в глубоком взаимодействии. Так, в названии Большой Медведицы совершенно очевидно сказались тотемные верования, поскольку у большинства народов это созвездие связано с идеей лося, оленя, марала. А как известно, эти и другие представители животного мира были предметом культа древних, обоготворялись ими. Нередко такое почитание видимых небесных светил находило свое отражение в самих названиях. Большую Медведицу калмыки, например, называют Долан бурхи "Семь богов". Идея семи небесных покровителей, постоянно сопровождавших человека на его жизненном пути, могла, в конечном счете, отразиться на представлении о числе 7 как вообще о символе божественной силы. В калмыцких пословицах и поговорках сохраняются следы древнего почитания Большой Медведицы как всеобщей небесной покровительницы. До недавнего времени в народе бытовала детская присказка – скороговорка "Долан бурхи дола дэж келхэ – нег буйн", что дословно переводится как "Семь богов семь раз упомянутые – уже одно благодеяние". Считалось, что произнесший эту сакральную фразу одним духом 7 раз подряд совершает благодеяние и освобождается от земных грехов. Не разрешалось

говорить о Большой Медведице нечистым ртом, необходимо было предварительно ополоснуть рот водой.

Отсюда вполне объяснима древняя вера человека в магическую силу 7. Семь видимых с Земли звезд Большой Медведицы обожествлялись в сознании первобытных людей. Их божественная сила была перенесена на понятие семерки вообще.

Другая версия о причинах, вызвавших почитание числа 7, может быть связана с семидневным циклом полнолуний и новолуний, послуживших, как считают астрономы, исходной точкой отсчета времени. Воспевание коня о 7-ю поводьями, на котором якобы, движется Время, представлено в древнеиндийском гимне Времени:

Время везет воз, это конь с 7-ю поводьями,
Тысячеглазый, нестареющий, с обильным семенем.

На него садятся верхом вдохновенные поэты.

Его колеса — все существующия.

Семь колес везет это Время.

Семь — ступицы его, бессмертие / ось.

Время. Оно простирается во все существования

Оно шествует, как первый бог.²

Культы и верования древних, связанные с общекосмическими и общеприродными явлениями /7-дневный цикл полнолуний и новолуний, восход и заход солнца, чередование дня и ночи, смена времен года/ должны были откладываться в сознании каждого равнозначно и вызывать типологически общие ассоциации. Таким образом, не исключена и, пожалуй вероятно причина космогонического характера, утвердившая представление о числе 7 в истории человечества как о символе божественного проявления. Традиция такого религиозного представления о семерке, закрепившись в сознании человека, нашла свое отражение в мифологии, обрядах, фольклоре, орнаменталистике.³

У калмыков /так же как и у других монголоязычных народов/ традиционное почитание числа 7 как символа божественной силы отмечается в верованиях и обрядах, в эпических сказаниях, поговорах и поговорках. До седьмого колена по отцовской линии /долан үйн күртл/ сохранялись родственные связи, обычно семью семь сорок девять дней скачет сказочный герой в дальний путь, на броневых доспехах героя 7 x 10 70 пуговиц /"семьдесят пуговиц грозной брони"/, на 7-м году жизни героя обычно приключаются какие-то важные события. Семь - очень стойкий и повторяющийся символ. Не исключено /к этому как раз-таки ведут предыдущие рассуждения/, что вера в число 7 как в символ божественного проявления послужила мотивом и для возникновения личного имени Долан /"Семь"/, которое предназначалось как имя - оберег его носителю.

Символика 9-и как священного числа также исключительна по своей постоянности и повторяемости у многих народов мира, у всех монголоязычных народов активно проявляется символическое значение этого числа.

- При исполнении 9 лет родители совершали обряд сватовства мальчика к будущей невесте. Философский камень буддийской религии "Чиндамани" способен выполнять 9 желаний. Весь мир представлялся в виде девятицветной вселенной - Дзамбу тив"а. Очевидно, не случайно такое постоянство девятки как особого числа в мировоззрении человека. Опять-таки следует опираться на какие-то общеприродные мотивы, заложенные в основу почитания понятия 9. Конкретные первопричины символического толкования числа 9 могут быть связаны с 9-месячным циклом внутриутробного развития человека. Так, например, в шаманистской религии чрево матери - алтн оома "утроба матери, золотое чрево, матка" - почиталось как божество. В комментарии к "Алтан тобчи", выдающемуся произведению монгольской историографии XVII в.,

написанному Дубсан Данзаном, ученым ламой, отмечается, что такое почитание наблюдается и в ламаистских культурах, в которых чрево матери почитается как "емстилище рода" и играет какую-то чудодейственную роль при заклинаниях.²

На фоне подобных культовых верований могло развиваться представление о числе 9 как о священном, магическом элементе. В общей системе верований, связанных с 9, очевидно, можно назвать и геру в магическую силу слова 9, которая и положила начало традиции наречения личным именем 9 /в калмыцкой антропонимии это имя Йисн/. Йисн - широко распространенное личное имя, причем очень древнее. В "Сокровенном сказании" - литературном памятнике монголов XIII в. встречаются имена Бсунтей, Бсунхей, Бсу-латун, Ясуган-Латун. В современной калмыцкой антропонимии имя Йисн отмечается, в основном, у представителей старшего поколения. У молодых оно встречается реже, что связано с новыми тенденциями в развитии национальной калмыцкой антропонимии, сужением традиционного именика. Но тем не менее это имя - живое явление в системе именования и бытует не только в указанной огласовке, но и в виде производных форм Йисн, Йислда, Йисн. Соответственно сохраняются и отчества и фамилии от этого личного имени: Есинович, Исеевич, Есинов, Исеев, Исеяев.

Менее конкретно символическое содержание в числах 3, 5, 6, 8, которые также встречаются в калмыцкой антропонимии /личные имена: Курви, Тави, Зурхан, Нээми/. Но в конечном счете и они обязаны своим происхождением древнейшим верованиям. Представления о сущности жизни как о единстве трех элементов /земли, воды и неба/ составляют основу религиозных учений. Например, в христианской религии идеи бога-отца, сына и святого духа связаны с идеей семьи как основы всего сущего в мире. Тринединная сущность семьи

/мать, отец, ребенок/ представляет собой своеобразную микромодель мира, всего существующего на Земле. Идея Жизни вообще, как мирового процесса, отражена в таком представлении. Единство 3-х элементов осознавалось древними как обязательное условие жизни. Основываясь на таком понимании мира, очевидно, эту идею люди включили в систему магического мотива именованья с числовым понятием 3, считая его символом возмездности и постоянства жизни. Идея 3-х может быть связана с мифологическим представлением о том, что мир будто бы разделен на 2 мира: на мир здешний и потусторонний. Это общее положение характерно для мифологии разных народов. Но иногда идея 2-х миров может трансформироваться и тогда "концепция двух миров развивается в представление о трех мирах: нижнем, среднем и верхнем".⁵

В древнеиндийском гимне Агни /У1, XII/, одному из главных богов ведийского пантеона, находим такие строки:
Царь жертвенной соломы, хотар посреди дома*
Бича повелитель, Агни, принести готовый жертву обоим мирам /т.е. земле и небу/.

/Дело в том, что согласно ведийским представлениям, Агни своим племенем передает жертву от людей богам, с чем связана его функция посредника, божественного жреца/.

Далее в этом же гимне Агни воспевается как "трех виталиц /3-х миров/ хозяин":

Трех виталиц хозяин, подобный крылу, достигающему до цели.

Прими возлияния жертвенные, дары людей.

Яркое отражение таких представлений о 3-х мирах находим в калмыцком национальном эпосе "Джангар".⁶

*Хотар - один из 4-х главных жрецов ведийского жертвоприношения. - См. комментарии к книге "Поэзия и проза древнего Востока", с. 695

Вполне возможно, что число 3, в целом и понятие "3" вообще, символически отражает подобные представления древних о характере мироздания. Вследствие таких представлений в сознании людей утверждается отношение к понятию 3 как символу сверхчеловеческого, божественного начала. Отсюда и вера в магическую силу слова 3, чем, в конечном счете, объясняется и мотивировка наречения личным именем, содержащим числовое понятие 3 /имя божественной природы, имя - оберег/.

Рассмотрение конкретных причин символического толкования оставшихся незатронутыми числовых понятий 5, 6, 8 несколько затруднительно /в виду того, что в ряду единиц первого десятка их символическая сущность представляется менее ясной/, тем не менее природа их утверждения в качестве особых элементов именования в антропонимии, исходя из предыдущих рассуждений, по-видимому, каким-то образом обязательно соотносится с древнейшими представлениями человека об окружающем мире и о себе как части его. И поэтому не совсем убедительно мнение многих исследователей антропонимии о том, что так называемые "числовые имена" появились в языке для того, чтобы ими отмечался порядок /последовательность/ рождения детей в семье. А если это и так, то, пожалуй, это отнюдь не самое точное понимание этого явления в антропонимии. Обычай именования детей подобными именами, так сказать, для порядка /или последовательности/ рождения мог возникнуть тогда, когда уже прочно утвердилась в быту того или иного народа привычная традиция употребления "числовых" имен, потерявшая связь с определенными верованиями древних предков. Изначальное же их происхождение в корне обязательно продиктовано ранее указанными причинами космогонического и в целом общеприродного характера.

Наблюдая жизнь вокруг себя, человек, очевидно, обращал внимание не только на видимые природные явления, но и определенные закономерности, факты жизни его самого как биологического существа откладывались в его сознании со всеми закономерностями, исходящими из его биологической природы. Так, например, совершенно конкретны в мировоззрении человека 5 чувств, 5 разумов, связывающие его с окружающим миром. "Пятью источниками" ума человека являются известные 5 чувств: осязание, обоняние, слух, зрение и вкус. Представления древних о своих чувствах как сосредоточении жизненной силы находят свое отражение в различных обрядовых и магических актах, всевозможных сакральных действиях, связанных с убеждением об особой роли органов чувств. Отражение таких представлений о глазах, отношение к глазам как к сакральному объекту обнаруживается, например, в ряде пережитков европейских, западносибирских и енисейских ненцев, у савомов, юкагиров, ингансан, эскимосов, чукчей и других народов тундровой зоны. В работе Ю.Б.Симченко "Культура охотников на оленей Северной Евразии"⁷ очень подробно описываются такие элементы мировоззрения этих народов, связанные с представлениями об исключительной роли глаз. Обязательным обрядом при убийстве дикого оленя у северных народов было вырезание оленьих глаз и предание их земле. ~~Земля-мать понимается как творец~~ всего живого. Факт возвращения Земле глаз животного связан символически с идеей воспроизводства животных, необходимых для жизни человека. В 36-й руне Калевалы, где рассказывается о том, как Куллерко узнает о смерти своей матери, есть такие строки, в которых он, оплакивая мать, говорит:

"Мать ты добрая, родная.

Что оставила ты сыну,

На земле живя на этой?

На глазах твоих стою я...⁸

Понятие "стоять на глазах" в этом контексте – свидетельство древних верований финнов в глаза как объект исключительной важности и необходимости, дарованный природой.

Опираясь на данные Симченко и "Калевалы", можно предположить, что не только одно из указанных чувств было объектом поклонения у древних. Пять чувств – основа взаимоотношения человека и природы. Это достаточно четко обозначалось человеком всегда.

В "Джангаре", калмыцком национальном эпосе, при описании битвы Санала, эпического героя, с богатырем Одном так рассказывается о ратной силе Санала, сокрушившего врага:

Ринулся на Одона Санал,
Щеки запылали как жар.
Хлынула к сердцу кровь, горяча.
Со всего размахнулся плеча –
Страшный нанес Одону удар.
70 пуговиц грозной брони
/Плотно застегнуты были они/
Разлетелись, как голубки.⁹

Возвращаясь к мысли о древнейших космогонических представлениях человека, о его понимании мироздания в целом, необходимо отметить, что в религиозных верованиях разных народов оно нашло неодинаковое отражение. Так, например, у народов мусульманского мира отмечается объемное представление об окружающем мире – четыре стороны света, верх и вниз /мир верхний и нижний/. В якутском олонхо "Ниргун Боотур Стремительный" Земля изображается как восьмикрайний мир в окружении 8 ободов¹⁰.

В основе буддийского учения также лежит представление о восьмеричном пути, пройти который предначертано всему сущему на Земле. У калмыков отражение такого представления находим опять-таки в эпосе "Джангар", в котором прохождение этого восьмеричного пути связано со все-

возможными страданиями.

Герой должен на 8-й день встретиться с противником, который побеждает его, восьмикратные мучения побежденно-го в аду с последующим высвобождением оттуда.

В основе шаманистских верований представление о Земле — тоже как о восьмикрайной, восьмиободной.

Символическое толкование цифровых понятий IО и II не встречается. Далее, I2 и I3 почти у всех современных народов имеют равнозначную семантику: I2 — несомненный символ I2 месяцев года, число I3 /"чертова дюжина"/ несет в себе отрицательное содержание зловредного начала, нарушающего закономерность. Не может быть I3 месяцев в году, а если бы такое случилось, это в представлении древних связывалось, по-видимому, с понятием зла, бедствия, как, например, падение кометы, затмение луны и солнца, — одним словом, напасть на человечество.

Практика использования числовых понятий в качестве определенных символов постепенно привела к тому, что люди стали употреблять эти числовые понятия уже в отрыве от изначальной их символики в удвоенном, утроенном, удесятеренном виде, что также нашло отражение в разных формах духовной культуры: мифологии, эпосах, сказках, пословицах, поговорках и т.д.: в тридевятом царстве, в тридесятом государстве /в сказочных зачинах/, 33 богатыря в русской сказке, в калмыцком эпосе 6000 и I2 богатырей Джангара и т.д.

По этой же причине в силу действия традиции называть человека "числовым" именем в антропонимии появились личные имена, в основе которых — числовые понятия, отмечающие десятки. У калмыков это уже названные в начале статьи имена Арван, Хорин, Гучин, Джиринтя, Даланта, Найнта.

Таким образом, разряд личных имен, в основе которых определенные числовые понятия, возник в истории человечества в глубочайшей древности и рассматривать его воз-

никновение и становление в качестве антропонимической традиции необходимо с учетом общей системы мировоззрения, существовавшей на заре человеческого общества.

- 1 Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1950, с. 296-303
- 2 Из "Ригведы". Гимн времени. XIX, 53. - Сб. "Поэзия и проза древнего Востока". М., Изд-во "Художественная литература", 1973, с. 394-395
- 3 Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. М., 1978
- 4 Лубсан Данзан "Алтан Тобчи" /Золотое сказание/. М., 1973, с. 353
- 5 Кичиков А.Ш. Исследование героического эпоса "Джангар", Элиста, 1976, с. 71
- 6 Там же, с. 70-75
- 7 Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, с. 244-245
- 8 Калевала. Изд-во "Художественная литература", М., 1977, Руна 36-я, с. 432
- 9 "Джангар". Песнь 3-я. О подвигах богатыря Строгого Санада
- 10 "Ниргун Боотур Стремительный". Якутский героический эпос олонхо. Якутск, 1975, Песнь первая /Эпиграф/. Жуковская Н.Л. Семантика чисел в кадымском эпосе "Джангар". - В кн.: "Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов" /Материалы Всесоюзной научной конференции. Элиста, 17-18 мая 1978 г./ М., 1980, с.